

Когда Эжен прибыл в столицу, первым местом, которое он посетил, было не Министерство военно-морского флота, расположенное во дворце Имбер, а резиденция маркиза Ла Бейля. Он полагал, что должна быть причина, по которой на повестке стоит личная печать маркиза Ла Бейля, а не печать военно-морского министерства. Даже среди бела дня эта догадка подтвердилась: маркиз Ла Байль ждал его в своем кабинете.

Эжен вошел в кабинет под руководством дворецкого, который специально вышел его поприветствовать, и почувствовал, что воздух в комнате тяжелый, в свою очередь он попытался собраться с мыслями. Такой человек, как маркиз Ла Бейль, будучи выходцем из большой аристократической семьи, редко бывал очень верен официальным обязанностям. Уже само по себе было необычно, что маркиз ждал его, отложив все остальные дела.

-Ваше превосходительство, вы были на покое?

Эжен снял шляпу и поприветствовал его. Если бы это была официальная встреча, это был бы военный ритуал, но Эжен рассудил, что это не было официальной обязанностью, учитывая, что приветствовали его в простой одежде, а не в военной форме. И даже если это не было официальной обязанностью, все равно было довольно разумно показать маркизу чрезмерный пример, поскольку он был старшим в семье.

-Я в порядке. Нет причин для чего-то особенного, когда вы сидите в столице и просматриваете документы. Присаживайтесь, барон Амье. Мне есть что сказать.

Маркиз Ла Байль порекомендовал кресло. Эжен сел в кресло, как ему было велено. Было видно осунувшееся лицо маркиза над столом из красного дерева, который был старым, но хорошо отделанным и красиво покрашенным.

Что вы собираетесь сказать? - Эжен думал об этом всю дорогу до столицы, но ему нечего было сказать, и он встретил взгляд маркиза со спокойным выражением лица.

-Барон Амье.

-Да, ваше превосходительство.

-Я позвал вас, потому что думал, что должен сам вручить эту повестку. Я не хотел, чтобы такой благородный человек, как вы, был унижен перед местным судьей.

Маркиз мрачным тоном бросил зловещий намек и протянул запечатанный конверт.

Повестка? - Эжен с озадаченным выражением лица принял конверт, протянутый маркизом.

Конверт, который протянул маркиз, был ослепителен даже внешне. Конверт был сделан из тончайшей ткани велюдо, которая в зависимости от угла зрения могла быть красной или

зеленой, и был великолепно раскрашен золотыми лозами, вьющимися по краям. Герб, напечатанный на красном конверте, имел форму трехглавого орла, сжимающего змею, в которой Эжен без труда распознал личность.

Лицо Эжена сильно потемнело. Было ясно, что произошло нечто большее, чем ожидалось. Трехглавый орел был гербом императорской семьи Арди, а трехглавый орел, сжимающий змею, мог использоваться только Его Величеством Императором. Таким образом, смысл конверта был ясен. Однако, даже зная это, Эжен не мог понять, почему это случилось именно с ним.

Что же это за повеление императора? Не кто-то другой, а только я получил повеление императора?

Это было, конечно, неожиданно. Он никогда не представлял себе ничего подобного, не говоря уже о том, чтобы ожидать этого. Эжен был искренне озадачен. Его имя было хорошо известно на море и в некоторых портовых городах Запада, где морская и военно-морская деятельность была напрямую связана с обеспечением средств к существованию. Однако, если быть справедливым, его известность ограничивалась западной частью империи, да и то в незначительной степени, никто не узнавал его после пересечения центральной границы.

Традиционно армия была сильна в Эстине, Западной империи, граничащей с великим врагом Восточной империи, Шааком, к востоку от внутренней границы. Из-за положения в империи Эстина военные обычно думают об армии, и какими бы великими ни были достижения флота, они часто считались несравнимыми с достижениями армии. Вдобавок ко всему, в то время, когда Эжен был на пике своего могущества в Балейском море, Западная империя вела войну с Восточной, причем на карту была поставлена судьба страны. Поэтому ситуация стала еще хуже.

Другими словами, когда император вел войну за лучшую житницу континента - Ландриенские равнины, победа над негодями из Федерации Пяти Наций была не более чем победой над пиратами-изгоями - таково было восприятие большинства империалистов прибрежных регионов, поскольку во время такой войны это не имело большого значения. Эжен прекрасно знал об этом факте, поэтому нынешняя ситуация вызвала у него удивление. Честно говоря, он не мог поверить в то, что император знает о его существовании.

Однако, удивлен он был или нет, реальность была реальностью, и он по-прежнему держал в руке конверт с приказом императора. Эжен взял у маркиза нож для бумаги, снял печать и начал читать бумаги внутри. Его растерянность и испуг постепенно улеглись по мере того, как он читал слова на бумаге. Еще раз, чтобы понять содержание, еще раз, чтобы упорядочить свои мысли. После скрупулезного прочтения бумаг образом, он медленно поднял голову и посмотрел на маркиза.

-Это повестка. - сказал он низким голосом. Маркиз издал ровный вздохнул и кивнул в знак согласия.

-Именно так. Повестка.

-Это повестка на суд с присутствием императора, за которым Его Величество будет лично наблюдать?

-Так написано.

-... Я не думал, что это будет что-то хорошее, но это превосходит мое воображение.

Эжен горько улыбнулся. Как он и предполагал, это не было чем-то для служебного пользования. У маркиза были веские причины позвать его в частном порядке. Маркиз вызвал его в столицу, потому что Эжен должен был явиться в суд по делу о разводе, который проводил сам император. Кроме того, тот факт, что император специально указал Эжену на необходимость присутствия, объясняется не тем, что император знал его, а тем, что он знал его жену.

Его жена обратилась к Его Величеству с просьбой о проведении бракоразводного процесса. Что ж, это не менее удивительно. - мысленно пробормотал Эжен. Это бракоразводный процесс. Это было неожиданностью в другом смысле, чем раньше. Моя жена подала на развод? Эжен никогда не думал, что в ней может быть такая дикая сторона.

Он всегда думал о ней как о робкой и тихой женщине. Она была совершенно аристократичной, как в хорошем, так и в плохом смысле, и была женщиной, которая неукоснительно следовала здравому смыслу и придерживалась дисциплины аристократического общества. Тогда почему она совершила такой абсурдный поступок? Брак был священным. Он был священным до тех пор, пока Бог благословлял его и гарантировал Великий кодекс Lex Ardicca, хотя люди часто оскверняли его смысл. Закон нынешней империи гласил, что можно изменять, но нельзя разводиться. Это было не невозможно, но риск был так велик, что никто не решался на это.

Согласно Великому кодексу, если речь идет о простых гражданах, то для развода необходимо заручиться поддержкой двух священников, двух судей и двух родственников. Кроме того, проситель должен оплатить огромные судебные издержки, связанные с проведением суда по разводу, и предоставить веские доказательства того, почему брак больше не может быть сохранен. Здесь важна была так называемая "причина вины", и если не было причины, объясняющей развод, то само ходатайство о проведении бракоразводного процесса не может быть подано, а если суд не признает причину, то необходимо заплатить огромный штраф государству за нарушение закона страны.

Однако на этом бракоразводный процесс не заканчивается. Даже если суд состоялся и, к счастью, вынесено решение и развод оформлен, проблема все равно остается. В бракоразводном процессе проигравшая сторона должна была понести ответственность за то, что привело к разводу, и быть приговорена к крупному штрафу. Сторона, выигравшая процесс, также должна была заплатить крупную сумму за оформление документов для расторжения брака. Если бы вы могли найти слово, наиболее близкое к описанию слова "огромный", которое встречается четыре раза в приведенном выше описании, то это было бы слово

"астрономический".

Общая стоимость судебного процесса была настолько ужасающей, что любой отказ имел бы смысл после завершения бракоразводного процесса. Поэтому люди не думали о разводе. Чем богаче становились богатые, тем хуже становилось это явление, вплоть до того, что в аристократических обществах супружеская измена была более распространенным явлением, чем развод.

-Простите, но я хочу спросить вас об одной вещи. Почему она обвинила меня? - спросил Эжен у маркиза.

Причина, по которой он осмелился спросить маркиза, заключалась в том, что маркиз Ла Бейль приходился ему дядей. Именно поэтому маркиз чувствовал свою ответственность за этот инцидент и передал дело напрямую. Эжен и его жена Луиза познакомились через маркиза Ла Бейля, и не кто иной, как маркиз Ла Бейль, был свидетелем на их свадьбе.

-У нее не было причин обвинять вас, барон Амье. Скорее, она подала на развод по собственным соображениям.

-... Я не понимаю, что вы говорите. Она только что сказала, что обвинила себя?

-Да, она сама призналась, что совершила прелюбодеяние.

Эжену показалось, что он слушает плохую шутку. Он не мог этого понять, и это было абсурдно. Что вы имеете в виду под прелюбодеянием? Неужели это единственная причина? Этого не может быть. Эжен слишком хорошо знал, что это не может быть причиной, поэтому он сомневался в причине. Его жена не была дурой. Для дворян прелюбодеяние было таким же естественным, как десерт после трапезы, это был своего рода обычай и тайная рутина. Частная рутина, которую совершали все, но которая якобы замалчивалась и не разглашалась.

От уха до уха, изо рта в рот. Хотя это распространялось как тайные сплетни, это никогда не всплывало на поверхность. Подобно тому, как вежливо не говорить о кишечных расстройствах во время трапезы, правилом дворянства было знать о чужой жизни во сне, но не делать из этого проблему. Эжен сразу после женитьбы узнал, что у его жены был роман. Причина, по которой он не говорил об этом, хотя и знал, заключалась в том, что это была обычная практика, а также в том, что он не был особенно невинен.

Он был моряком, который, выйдя в море, не мог вернуться в столицу в течение двух или трех лет. Если только он не был святым с куском дерева ниже пояса, сохранить целомудрие было невозможно. А он не был настолько свиреп, чтобы в одностороннем порядке заставлять жену делать то, чего она не хотела бы, даже если бы не могла вести женскую жизнь в прекрасном возрасте. Поскольку это был брак, основанный на необходимости, его супружеские отношения, которые никогда не превышали определенного уровня, не сильно отклонялись от общего уровня других аристократических пар, которые были равнодушны друг к другу, но сохраняли минимальную вежливость.

-Вот что она сказала. Мне самому стыдно говорить об этом, но ее любовная интрижка распространилась по всей столице. Говорят, что слух распространился не только в стенах дворца Имберта, но и среди широкой публики. Нет большего позора, чем этот.

Маркиз с болью признался. Он стыдился не того, что его племянница прелюбодействовала, а того, что ее измена получила широкое распространение. Это означало, что его племянница вела себя неправильно, что она прямо нарушала неписанные правила общества, которые смущали публику, вызывая беспорядки, и, в свою очередь, нарушали правила аристократического общества, которое гласило "сделать что-то, но вести себя так, как будто ничего не произошло".

Маркиз происходил из большой аристократической семьи и больше других ценил честь, поэтому у него не было другого выбора, кроме как стыдиться. Однако вместо боли Эжен заметил в словах маркиза нечто иное. Дело в том, что неверность его жены привлекла всеобщее внимание. Именно этот факт привлек внимание Эжена. Честно говоря, его жена была не настолько красива, чтобы о ней говорили. Хотя она была довольно красива, этого было недостаточно, чтобы считаться красавицей. Хотя одна из ее тетушек стала женой маркиза Ла Бейля, семья имела скромный статус, поэтому остальные были лишь дворянами низкого ранга.

Такие же обстоятельства были и в его семье. В случае с Эженом единственное, что он унаследовал от предков, был титул, а он даже не владел территорией. Другими словами, наследник дворянина, получившего титул и поступившего на военную службу в качестве рядового солдата, а не офицера. Кроме того, это был флот, а не армия, где успех был традиционно гарантирован. Жена не смогла бы попасть во дворец Имбер без покровительства своей тетки, маркизы Ла Бейль. То, что сделала его жена, стало предметом общественного интереса. Это означало, что поступок жены был одним из двух вариантов. Либо жена была ослеплена страстью и полностью потеряла рассудок, либо любовник жены был человеком очень знатным.

-Должно быть, она попала в беду. Ее Высочество Великая Герцогиня не должна была молчать об этом. Были ли какие-нибудь проблемы с местом?

Собравшись с мыслями, Эжен спросил, проглотив тихий стон. Маркиз был страшно удивлен тем, что сказал Эжен. Потому что он не думал, что сможет догадаться об истинной личности другого прелюбодея, услышав лишь такую часть истории.

-Откуда вы знаете? Вы тоже слышали слухи?

-Нет, я догадался, увидев повестку. Бракоразводные процессы действительно проходят в специальных судах, но редко Его Величество лично присутствует в качестве судьи. Я подумал, не имеет ли родственник императора к этому какое-то отношение.

Ответил Эжен на вопрос маркиза. Услышав его ответ, маркиз был сильно потрясен, но, оглядываясь назад, можно сказать, что рассуждения были не такими уж сложными. Относительная простота объяснялась, в основном, малым количеством родственников

императора из-за инцидента, произошедшего на третьем году. Специальный суд, проводимый в присутствии императора, редко открывался, если только речь не шла об императорской семье, и среди родственников императора был только один человек, который мог иметь отношение к этому инциденту и в состоянии реально повлиять на действия императора.

Принц Меррик, герцог Фернанд.

Сын великой герцогини Алиеноры, единственный выживший член императорской семьи, был кузеном нынешнего императора и шестым в очереди наследования трона, а также единственным взрослым среди наследников. Говоря прямо, не было другого человека, который мог бы стать любовником его жены. Более того, принц Меррик был таким бабником, что даже до него, бесстрастного к столичным делам, дошли слухи. Обычно такое случалось с высокопоставленными и богатыми дворянами, но в случае с принцем Мерриком поведение было еще хуже, благодаря сильной защите его матери, великой княгини Алиеноры.

-Разве это не то, что она должна была сделать изначально? Он - ее единственный сын и родился поздно, поэтому она очень дорожит им.

Лицо маркиза стало горьким. Он так и сказал, но это вовсе не было угрозой. Великая Княгиня Алиенора была по природе своей высокомерна и обладала еще большим влиянием, поскольку стала единственной выжившей имперской взрослой после трех лет катастрофы. А принц Меррик был ее единственным ребенком. Она была печально известна тем, что исключительно хвасталась своим необыкновенным ребенком, и было очевидно, как она поведет себя в этом случае.

-Теперь, когда все известно, позвольте мне сказать вам кое-что.

Маркиз Ла Байль заговорил неохотно, после того как мгновение молчал. Чувствуя себя неловко, даже когда заходит речь об этом, кажется, что вот-вот всплывет плохая история.

-Да, пожалуйста, продолжайте.

-Вчера Ее Высочество Великая Герцогиня лично посетила это место. Как вы уже догадались, она была здесь, чтобы высказать свое мнение по этому делу. ...Она сказала, что не хочет, чтобы это продолжалось слишком долго. Неудобно слышать, как имя принца Меррика то и дело всплывает в обществе.

Говорили, что не существует такой вещи, как обмен на ребенка, но именно такой была герцогиня. Услышав слова маркиза, Эжен криво усмехнулся. Он никак не мог сказать, что благородная герцогиня уехала с прямым предупреждением, как будто она способна на все и вся. Если вы хотите исправить ситуацию, у вас нет другого выбора, кроме как исправить ее.

-Я понимаю. Я тоже не хочу, чтобы это слишком распространилось. Мы будем сотрудничать, чтобы суд закончился как можно скорее.

Он был всего лишь адмиралом флота, который в лучшем случае руководил флотом. Даже в качестве вице-адмирала, а не официального адмирала, невозможно было бороться с одним из самых могущественных людей в империи. Если бы он до смерти любил свою жену, все было бы иначе, но поскольку брак был настолько безжизненным, было просто удивительно, что она стала причиной такой серьезной аварии, и он не испытывал ни гнева, ни обиды. Внешне быть рогоносцем для него не было большой проблемой, поскольку его мало интересовала слава в столице.

<http://bllate.org/book/13046/1151444>